

Жорж
Сименон

ПРИЯТЕЛЬНИЦА
МАДАМ МЕГРЭ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Приятельница мадам Мегрэ

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Приятельница мадам Мегрэ / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1950 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15439-1

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Приятельница мадам Мегрэ». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартиру на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15439-1

© Сименон Ж., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жорж Сименон

Приятельница мадам Мегрэ

Georges Simenon
L'AMIE DE MADAME MAIGRET

Copyright © 1950, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского Т. Ворсановой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© Т. Ворсанова (наследник), перевод, 2017

* * *

Глава 1

Дама с ребенком в Антверпенском сквере

Курица тушилась с прекрасной рыжей морковкой, большой луковицей и целым пучком петрушки, хвостики которой торчали наружу. Мадам Мегрэ пригнулась и убедилась, что маленькое пламя горит ровно и не погаснет. Потом она закрыла окна повсюду, кроме спальни, на секунду задумалась, не забыла ли чего, глянула в зеркало и, вполне удовлетворенная своим видом, вышла из квартиры, закрыв дверь на ключ и опустив его в сумочку.

Было самое начало одиннадцатого, и над Парижем сияло яркое, но еще не греющее мартовское солнце. Дойдя пешком до площади Республики, мадам Мегрэ могла бы сесть на автобус, доехать до бульвара Барбес и быть на Антверпенской площади вовремя, к одиннадцати, как ей и назначили.

Но из-за дамы с ребенком она спустилась в метро, благо станция «Ришар-Ленуар» была в двух шагах, и проделала весь путь под землей, лениво разглядывая на каждой станции знакомые афиши на грязных стенах.

Мегрэ подтрунивал над ней, но не слишком, уж очень он был занят последние три недели.

– Ты совершенно уверена, что хорошего дантиста ближе не найти?

Мадам Мегрэ еще никогда в жизни не приходилось лечить зубы. Мадам Роблен, соседка с пятого этажа, – дама с собачкой – столько раз и так выразительно рассказывала о докторе Флореско, что она наконец решилась его посетить.

– У него руки пианиста. Вы даже не почувствуете, как он работает у вас во рту. И если придете от меня, возьмет с вас вдвое меньше, чем любой другой.

Это был румын, он принимал в своем кабинете на четвертом этаже здания на углу улицы Тюрго и проспекта Трюдена, прямо напротив Антверпенского сквера. В седьмой или восьмой раз она к нему шла? И всегда он ей назначал на одиннадцать. Так уж повелось.

В первый день она пришла заранее, боясь, что заставит себя ждать, и была вынуждена чуть не полчаса промаяться в жаркой приемной. Во второй раз она опять явилась слишком рано. И оба раза ее пригласили только в четверть двенадцатого.

В третий раз, когда весело светило солнышко и в сквере щебетали птицы, мадам Мегрэ, дожидаясь своего времени, решила посидеть на скамейке. Именно так она познакомилась с дамой и малышом.

Теперь это вошло у нее в привычку, и она нарочно выходила пораньше, да еще добиралась на метро, чтобы выиграть время.

Было приятно смотреть на траву, на полураскрытые почки на деревьях, ветки которых выделялись на светлой стене лица. В солнечный день с лавочки хорошо было видно движение на бульваре Рошешуар: зелено-белые автобусы похожи были на больших зверей, а между ними сновали маленькие такси.

Дама уже сидела там, в голубом, как всегда, костюме и белой шляпке, которая ей так шла и казалась такой весенней. Она подвинулась, уступая место рядом с собой мадам Мегрэ; та протянула ребенку принесенную для него плитку шоколада.

– Скажи спасибо, Шарль.

Шарль был двухлетний малыш с поразительно большими черными глазами, огромные ресницы делали его похожим на девочку. Вначале мадам Мегрэ даже не могла понять, говорит ли он, точнее, похоже ли то, что он произносит, на какой-нибудь язык, и только потом ей стало ясно, что они – иностранцы, хотя даму она, конечно, не рискнула спрашивать.

– Для меня март, несмотря на ливни, самый лучший в Париже месяц, – говорила мадам Мегрэ. – Некоторым больше нравится май или июнь, но март настолько свежее!

Время от времени она оборачивалась, посматривая на окна Флореско, с ее места хорошо была видна голова пациента, обычно до нее сидевшего в кресле стоматолога.

Малыш в это утро был очень занят: он пришел с ярко-красным ведерком и совочком. Возясь в песочнице, ребенок выглядел чистеньким, он вообще всегда был опрятно одет, за ним явно хорошо смотрели.

– Мне, наверное, осталось раза два прийти, – вздохнула мадам Мегрэ. – Доктор Флореско сказал, что сегодня возьмется за мой последний зуб.

Дама, слушая мадам Мегрэ, улыбалась. Говорила она по-французски блестяще, с легким намеком на акцент, только добавлявшим очарования ее выговору. Без шести или семи минут одиннадцать она все еще улыбалась, только теперь малышу, отправившему себе в лицо, к собственному изумлению, целый совок песка, а потом вдруг явно что-то увидела на проспекте Трюдена, на секунду, похоже, растерялась, затем поднялась и быстро проговорила, обращаясь к мадам Мегрэ:

– Вы ведь побудете с ним минуточку? Я сейчас же вернусь.

В тот момент мадам Мегрэ даже не слишком удивилась. Просто ей очень хотелось, чтобы мамаша вернулась скорее и не подвела ее; из деликатности она не обернулась и потому не увидела, куда та пошла.

Мальчик вообще ничего не заметил. Сидя на корточках, он насыпал песок в ведерко, а затем тут же высыпал его, неустанно проделывая это снова и снова.

Мадам Мегрэ была без часов. Они не шли у нее уже несколько лет, но ей и в голову не приходило чинить их. Какой-то старик (должно быть, здешний, она уже видела его тут) подсел к ней на скамейку.

– Вы не будете любезны сказать мне, сколько времени?

У него, должно быть, часов тоже не было, и он ответил:

– Около одиннадцати.

Пациент в окне у зубного врача уже исчез. Мадам Мегрэ забеспокоилась. Ей было стыдно, что она заставляет ждать такого милого, внимательного доктора, он так бесконечно терпелив.

Она обвела глазами сквер, но молодая дама в шляпке все не появлялась. Может, ей вдруг стало плохо? Или, может быть, она увидела кого-то, с кем срочно понадобилось переговорить?

Через сквер шел полицейский, и мадам Мегрэ кинулась к нему, чтобы узнать время. Было ровно одиннадцать.

Дама не возвращалась, а минуты шли. Ребенок посмотрел на скамейку, увидел, что матери нет, но вроде не испугался.

Если бы только мадам Мегрэ могла предупредить врача! Всего-то улицу перейти и подняться на четвертый этаж. Она чуть было сама не попросила старика присмотреть за мальчиком, пока она сбегает предупредить доктора Флореско, но не осмелилась и так и стояла, с нарастающим беспокойством оглядываясь по сторонам.

Когда она в следующий раз узнала у прохожего время, было уже двадцать минут двенадцатого. Старик ушел. На скамейке она сидела одна. Пациент, который бывал у врача до нее, вышел из подъезда и двинулся в сторону улицы Рошешуар.

Что было делать? Может, с этой милой дамой что-нибудь случилось? Правда, если бы ее сбила машина, собралась бы толпа, люди бы бежали туда. Но вот ребенок того и гляди забеспокоится.

Смешная вышла история. Мегрэ опять будет подтрунивать над ней. Лучше, пожалуй, промолчать. Сейчас она позвонит доктору и извинится. Стоит ли ему рассказывать, что с ней приключилось?

Мадам Мегрэ так разнервничалась, что ей стало жарко – кровь прилила к щекам.

– Как тебя зовут? – спросила она малыша.

Но он молчал и не сводил с нее своих темных глаз.

– А где твой дом, ты знаешь?

Мальчик не слушал ее, он, конечно же, не понимал по-французски.

– Простите, месье, скажите, пожалуйста, который час?

– Без двадцати двух минут двенадцать, мадам.

Мать ребенка все не шла. И когда повсюду прогудело двенадцать и строители оккупировали соседний бар, она тоже не пришла.

Из дома напротив вышел доктор Флореско, сел в маленькую черную машину, а мадам Мегрэ так и не решилась оставить мальчика и подойти извиниться.

Сейчас ее больше всего тревожила курица, оставленная на огне. Мегрэ сказал, что почти наверняка в час придет обедать.

Может, предупредить полицию? Но и для этого надо отойти. Если она уведет с собой ребенка, а мать тем временем вернется, она же с ума сойдет от беспокойства. Бог знает, куда она кинется и где они тогда встретятся! И крохотного малыша тоже не оставишь одного посредине сквера, в двух шагах от снующих туда-сюда машин и автобусов.

– Простите, месье, будьте любезны, скажите, пожалуйста, который час?

– Половина первого.

Курица, конечно, уже горит; вот-вот придет Мегрэ. И впервые за столько лет супружеской жизни ее не будет дома.

Позвонить ему невозможно, ведь для этого пришлось бы оставить мальчика и зайти в бар. Хоть бы тот полицейский снова появился или любой другой, она бы сказала, кто она, и он позвонил бы мужу. Как назло, ни одного поблизости не видно. Она смотрела во все стороны, садилась, вставала, то и дело ей казалось, что она видит знакомую белую шляпку, но всякий раз это была не та, которую она ждала.

Она насчитала больше двадцати шляпок за полчаса, четыре их обладательницы были к тому же в голубых костюмах.

В одиннадцать часов, как раз когда мадам Мегрэ начинала волноваться, оставшись посреди сквера с малышом, комиссар надевал шляпу, отдавая последние распоряжения Люка. Покинув свой кабинет не в самом лучшем настроении, Мегрэ шел к маленькой двери, соединявшей полицию с Дворцом правосудия.

Так уж повелось, что примерно с тех пор, как мадам Мегрэ стала ездить к своему зубному врачу в Девятый округ, комиссар с утра приходил в следственный отдел. Там на скамьях, ожидая своей очереди в коридоре, всегда сидели на редкость странные люди, некоторые даже между двумя полицейскими. Мегрэ стучал в дверь, где была табличка: *Судебный следователь Доссен*.

– Войдите.

Доссен был самый высокий юрист в Париже, и всегда казалось, что он стесняется своего роста, словно извиняется за свой аристократический силуэт русской борзой.

– Садитесь, Мегрэ. Курите свою трубку. Вы прочли сегодняшнюю заметку?

– Я еще не видел газет.

Доссен положил перед ним газету, на первой странице которой крупным шрифтом был набран заголовок:

ДЕЛО СТЁВЕЛЬСА

Г-Н ФИЛИПП ЛИОТАР ОБРАЩАЕТСЯ В ЛИГУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

– Я долго обсуждал это с прокурором. Мы не можем отпустить переплетчика хотя бы из-за язвительности самого Лиотара.

Всего пару недель назад это имя во Дворце правосудия почти никому не было известно. Серьезных дел Филипп Лиотар, которому едва исполнилось тридцать, никогда еще не вел. Пробыв пять лет секретарем под крылышком у знаменитого адвоката, он только-только начал самостоятельную жизнь и обитал пока в плохонькой, мягко говоря, квартирке на улице Бержер, неподалеку от дома свиданий.

С тех пор как разразилось дело Стёвельса, газеты что ни день писали о Лиотаре; он давал скандальные интервью, делал широковещательные заявления и даже мелькал со своим всклокоченным чубом и саркастической улыбочкой в теленовостях.

– У вас ничего нового?

– Ничего заслуживающего внимания.

– Вы надеетесь найти человека, давшего телеграмму?

– Торранс в Конкарно. Он очень расторопный.

Дело Стёвельса, уже три недели будоражащее общественное мнение, подавалось с заголовками, достойными бульварного романа.

Началось с такого:

ПОДВАЛ НА УЛИЦЕ ТЮРЕНН

По случайности это все происходило в квартале, который Мегрэ очень хорошо знал, даже мечтал одно время жить там, в пятидесяти метрах от площади Вогезов.

Оставляя за спиной узкую улочку Фран-Буржуа, с угла площади повернув на улицу Тюренн, ведущую к площади Республики, по левую руку видишь желтый дом, в котором расположилось бистро, потом молочную Сальмона. Рядом застекленная мастерская с низким потолком, на пыльной витрине потускневшие буквы: «Художественный переплет». В соседней лавочке вдова Рансе держит торговлю зонтиками.

Между мастерской и витриной с зонтиками – ворота, над ними полукруглый свод, здесь же каморка консьержки, а в глубине двора – старинный особняк, в котором теперь полно и контор, и частных квартир.

ТРУП В ПЕЧКЕ?

Публика только не знала (полиция в свой черед позаботилась, чтобы об этом не пронюхала пресса), насколько случайно все вскрылось.

Однажды утром в своем почтовом ящике сыскная полиция обнаружила замусоленный обрывок оберточной бумаги, где было написано:

«Переплетчик с улицы Тюренн сжег у себя в печке труп».

Подпись, разумеется, отсутствовала. Бумажка в конце концов попала на стол к Мегрэ, он отнесся к ней весьма скептически, – даже не стал беспокоить старых своих инспекторов, а отправил малыша Лапуэнта, который жаждал проявить себя и просто рвался в бой.

Лапуэнт выяснил, что на улице Тюренн действительно живет переплетчик, фламандец, переехавший во Францию уже двадцать пять лет назад, некий Франс Стёвельс. Выдав себя за сотрудника санитарной службы, инспектор осмотрел помещение и вернулся с подробным планом его квартиры и мастерской.

– Стёвельс, господин комиссар, работает, если можно так выразиться, в витрине. Мастерская его, все более темная по мере удаления от окна, разгорожена, за перегородкой у Стёвельсов устроена спальня. Лестница оттуда ведет в полуподвал, там кухня, а при ней – маленькая комнатка, она служит им столовой, внизу целый день горит свет; еще у них есть подвал.

– С печкой?

– Да. Очень старого образца, и сохранилась она у них не в лучшем виде.

– Но работает?

– Сегодня ее не топили.

В пять часов с обыском на улицу Тюренн отправился Люка. По счастью, он предусмотрительно взял с собой ордер, без которого переплетчик, заявивший о неприкосновенности своего жилища, не позволил бы ему даже войти.

Так что бригадир Люка чуть было не вернулся несолоно хлебавши, и теперь, когда дело Стёвельса стало кошмаром для всей сыскной полиции, на него почти сердились, что кое-что ему удалось найти.

Разгребая пепел в самой глубине печки, он нашел два зуба, два человеческих зуба, которые и отнес немедленно в лабораторию.

– Что за человек этот переплетчик? – спросил у Люка Мегрэ, в те дни лишь издали наблюдавший за тем, как продвигается дело.

– Ему лет сорок пять. Он рыжий, на лице следы от оспы, глаза голубые; похоже, человек он мягкий. Жена его, Фернанда, хоть и намного моложе, опекает его, как ребенка.

О Фернанде, тоже ставшей теперь знаменитостью, было известно, что она приехала некогда в Париж, что называется, «в люди», но, проработав какое-то время прислугой, долгие годы затем прогуливалась по Севастопольскому бульвару.

Ей было тридцать шесть, она жила со Стёвельсом уже десять лет, и три года назад они без каких-либо видимых причин поженились в мэрии Третьего округа.

Лаборатория прислала результаты экспертизы. Зубы принадлежали мужчине тридцати лет, плотного, вероятно, сложения, который еще несколько дней назад был жив.

Стёвельса привели в кабинет Мегрэ, и допрос начался. Стёвельс сидел в зеленом бархатном кресле лицом к окну, из которого открывался вид на Сену. В тот день лило как из ведра. Десять или двенадцать часов кряду, пока шел допрос, дождь стучал в окно и вода клокотала в водосточном желобе. Переплетчик носил очки с толстыми стеклами в тонкой металлической оправе. Его густые и длинные волосы растрепались, галстук съехал набок.

Это был образованный, много прочитавший на своем веку человек, спокойный и вдумчивый; его тонкая белая кожа, расцвеченная веснушками, легко становилась пунцовой.

– Как вы объясняете тот факт, что в вашей печке обнаружены человеческие зубы?

– Никак не объясняю.

– У вас в последнее время зубы не выпадали? Или у жены?

– Ни у меня, ни у жены. У меня вообще все вставные.

Он вытащил изо рта вставную челюсть и таким же привычным жестом вернул ее на место.

– Расскажите, пожалуйста, чем вы были заняты вечерами шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого февраля.

Допрос шел вечером двадцать первого, после того как Лапуэнт и Люка побывали на улице Тюренн.

– Пятница не приходилась на один из этих дней?

– Шестнадцатое.

- Тогда я, как и каждую пятницу, был в кино «Сен-Поль» на улице Сент-Антуан.
- С супругой?
- Да.
- А что вы делали два других дня?
- В субботу в полдень Фернанда уехала.
- Куда?
- В Конкарно.
- Эта поездка была намечена давно?
- Мать Фернанды парализована, она живет с другой дочерью и зятем в Конкарно. Утром в субботу мы получили телеграмму от Луизы – так зовут сестру жены, – что мать серьезно заболела, и Фернанда с первым же поездом туда уехала.
- Без звонка?
- У них нет телефона.
- Матери действительно было очень плохо?
- Нет, она вообще не была больна. Луиза телеграммы не посылала.
- Кто же ее послал?
- Мы не знаем.
- Вы уже были когда-нибудь жертвами подобных мистификаций?
- Никогда.
- Когда вернулась ваша жена?
- Во вторник. Она воспользовалась тем, что оказалась у своих, и побыла с ними еще два дня.
- Что вы делали все это время?
- Работал.
- Один из жильцов утверждает, что в воскресенье из вашей трубы весь день валил густой дым.
- Возможно. Было холодно.
- И правда. Воскресенье и понедельник были очень холодными, а в пригороде даже отмечались заморозки.
- В каком костюме вы были в субботу вечером?
- В том, который и сейчас на мне.
- После закрытия мастерской к вам никто не приходил?
- Никто, только один клиент зашел забрать свою книгу. Сказать вам его фамилию и номер телефона?
- Это был известный человек, член общества «Сто библиофилов». Стараниями Лиотара о них еще заговорят, почти все они – люди с именами.
- Ваша консьержка, мадам Салазар, слышала в тот вечер, около девяти часов, как в вашу дверь стучались. Несколько человек довольно громко разговаривали, они были возбуждены.
- На тротуаре возле дома, возможно, они и были, у меня никого не было. Вполне вероятно, что они и стукнули раз-другой по витрине, если они были «возбуждены», как уверяет мадам Салазар.
- Сколько у вас костюмов?
- Поскольку у меня одно туловище и одна голова, я ношу один костюм и одну шляпу; кроме того, у меня есть старые штаны и свитер, в которых я работаю.
- Тогда ему показали темно-синий костюм, найденный у него в шкафу.
- А этот?
- Это не мой.
- Каким образом он оказался у вас?

– Я его никогда не видел. Кто угодно мог положить его в мой шкаф, когда меня не было дома. Я уже шесть часов как здесь.

– Примерьте, пожалуйста, пиджак.

Пиджак был ему впору.

– Вы видите пятна, похожие на ржавчину? Это кровь, и по заключению экспертов – человеческая кровь. Пятна тщетно пытались вывести.

– Я не знаю, что это за костюм.

– Мадам Рансе, которая держит торговлю зонтами, часто видела вас в синем костюме, особенно по пятницам, когда вы ходите в кино.

– У меня был другой костюм, тоже синий, но я выбросил его больше двух месяцев назад.

После этого первого допроса Мегрэ здорово приуныл. Он долго разговаривал со следователем Доссеном, а потом они оба пошли к прокурору.

К тому самому, который взял на себя ответственность за арест.

– У экспертов сомнений нет, ведь так? Остальное, Мегрэ, – за вами, это ваша забота. Действуйте. Нельзя же этого молодца выпустить на свободу.

На следующий день из безвестности выплыл месье Лиотар и теперь буквально преследовал Мегрэ, как злобная собачонка.

Среди разных заголовков в газетах был один, привлечший внимание публики:

ЧЕМОДАН-ПРИЗРАК

Малыш Лапуэнт и в самом деле уверял, что видел коричнево-красный чемодан под столом в мастерской, когда приходил туда как инспектор санитарной службы.

– Это был обычный дешевый чемодан, я еще нечаянно задел его ногой и здорово удивился, что мне стало так больно. Я понял, в чем дело, когда попытался передвинуть его: чемодан оказался невероятно тяжелым.

Однако Люка, явившийся с обыском в пять часов, чемодана уже не застал. Точнее сказать, чемодан-то был, и тоже коричневый, тоже дешевый, но Лапуэнт утверждал, что не тот.

– С этим чемоданом я ездила в Конкарно, – заявила Фернанда. – У нас никогда никакого другого не было. Мы ведь, собственно, не путешествуем.

Лапуэнт был непреклонен, он твердо стоял на своем: чемодан другой, первый был более светлый и ручка была подвязана веревкой.

– Если бы мне нужно было починить чемодан, – возражал Стёвельс, – я бы без веревочки обошелся. Не забывайте, что я переплетчик и работаю с кожей.

Филипп Лиотар тем временем принялся собирать свидетельства библиофилов, и выяснилось, что Стёвельс – один из лучших переплетчиков в Париже, возможно даже лучший, которому коллекционеры доверяют самую деликатную работу, по преимуществу он занимается реставрацией старинных книг.

Все сходились на том, что этот тихий человек почти всю свою жизнь проводил в мастерской, и считали, что полиция совершенно напрасно копается в его прошлом – нет там ничего сколько-нибудь подозрительного.

Конечно, всплыла история Фернанды. Когда Стёвельс с ней познакомился, она занималась проституцией, и именно он вытащил ее из прежней жизни. Но и за Фернандой с тех довольно давних уже времен ничего сомнительного не водилось.

Торранс уже четыре дня сидел в Конкарно. На почте нашли оригинал телеграммы, написанный печатными буквами. Сотрудница, принимавшая телеграмму, вспомнила, что у окошка вроде бы стояла женщина. И Торранс выверял все, составлял списки приехавших в последнее время из Парижа, опрашивал по двести человек в день.

– Хватит с нас этой пресловутой непогрешимости Мегрэ! – заявил однажды журналисту Лиотар.

И тут же завел разговор о частичных перевыборах в Третьем округе, в связи с которыми кое-кому в политических целях было выгодно затеять здесь скандал.

Следователю Доссену тоже досталось, и эти нападки, мягко говоря бестактные, порой вгоняли его в краску.

– Как у вас, ничего нового, за что можно было бы зацепиться?

– Я ищу. Нас десятеро, иногда и больше: есть люди, которых мы уже двадцать раз допрашивали. Люка надеется найти портного, который шил синий костюм.

Как обычно, когда общество так взбудоражено, ежедневно поступали сотни писем, отнюдь не облегчающих работу; почти все они направляли на ложный след, масса времени тратилась попусту. Тем не менее все скрупулезно проверялось, выслушивали даже сумасшедших, которым казалось, что они что-то знают.

Без десяти час Мегрэ вышел из автобуса на углу бульвара Вольтера и, как всегда взглянув на свои окна, был очень удивлен, что освещенное ярким солнцем окно в столовой закрыто.

Он тяжело поднялся по лестнице и нажал на ручку двери – она не открылась. Впрочем, мадам Мегрэ, переодеваясь, запирала дверь. Он открыл своим ключом и оказался в голубом чаду. Поспешив на кухню, он выключил газ. Курица, морковка и луковица в жаровне превратились в один черноватый комок.

Он открыл все окна, и когда полчасом позже мадам Мегрэ, едва дыша, вошла в квартиру, она застала его в столовой, перед ним был кусок хлеба с сыром.

– Который час?

– Половина второго, – спокойно ответил Мегрэ.

В таком состоянии он ее не видел никогда: шляпа набок, губы дрожат.

– Только, пожалуйста, не смейся.

– Я не смеюсь.

– И не ругай меня. Я не могла поступить иначе и хотела бы видеть, каково было бы тебе на моем месте. Когда я думаю, что у тебя на обед – кусок сыра!

– Зубной врач?

– Я к нему не попала. С без четверти одиннадцать проторчала в Антверпенском сквере, не имея возможности даже отойти.

– Тебе было плохо?

– Разве мне когда-нибудь в жизни было плохо? Нет. Это из-за маленького. И еще когда он стал плакать и топтать ногами, я вообще выглядела как воровка.

– Из-за маленького? Какого такого маленького?

– Я рассказывала тебе о даме в голубом костюме и ребенке, но ты меня никогда не слушаешь. О той, с которой я познакомилась, пока ждала очереди у зубного врача. Сегодня утром она вдруг вскочила и убежала, попросив минуту присмотреть за малышом.

– И она не вернулась? Что же ты сделала с мальчиком?

– В конце концов она появилась, четверть часа назад. Я приехала на такси.

– И что она сказала?

– Самое интересное, что она ничего мне не сказала. Я торчала посреди сквера, поворачиваясь во все стороны, как флюгер, а мальчик кричал, привлекая внимание прохожих. Наконец я увидела, как на углу проспекта Трюдена остановилось такси, и узнала белую шляпку. Дама даже не дала себе труда выйти из машины. Она приоткрыла дверцу и махнула мне рукой. Мальчишка бежал впереди, я боялась, что он упадет. Он подбежал к такси первым, а когда подошла я, дверца уже захлопывалась.

«Завтра, – крикнула она. – Я все объясню вам завтра. Простите меня». Она даже спасибо не сказала. Такси двинулось к бульвару Рошешуар, а потом повернуло к площади Пигаль.

Мадам Мегрэ замолчала, переводя дух, и сняла шляпку так резко, что волосы ее рассыпались.

– Тебе смешно?

– Да нет.

– Признайся, что это тебя рассмешило. И все же она бросила своего ребенка больше чем на два часа с незнакомой женщиной. Она ведь даже не знает, как меня зовут.

– А ты? Ты знаешь, как ее зовут?

– Нет.

– А где она живет, тоже не знаешь?

– Я вообще ничего не знаю, кроме того, что я не попала к врачу, что моя чудесная курица сгорела, а ты сидишь и ешь сыр на уголке стола, как... как...

И, не найдя нужного слова, она заплакала и пошла переодеваться в спальню.

Глава 2

Заботы «Большого Тюренна»

У Мегрэ была особая манера подниматься на третий этаж дома на набережной Орфевр: в самом низу, у лестницы, там, где еще достаточно света с улицы, он был почти беспечен, потом, погружаясь в сумрак старого здания, он становился все более сосредоточенным, словно служебные заботы овладевали им по мере приближения к рабочему кабинету.

В последнее время он завел привычку, будь то с утра или после обеда, даже не заглянув к себе, обходить всех инспекторов, а потом, по-прежнему не снимая шляпы и пальто, входить к «Большому Тюренну».

Это была новая любимая шуточка в доме на набережной Орфевр, свидетельствующая о популярности в полиции дела Стёвельса. Люка, к которому стекалась вся информация и в чьи обязанности входило сводить ее воедино и пополнять дело новыми данными, вскоре стал с трудом справляться, потому что к тому же он должен был отвечать на телефонные звонки, разбирать почту и выслушивать осведомителей.

Работать в общей комнате инспекторов, где без конца ходили взад-вперед, стало невозможно, и он устроил себе кабинет в маленькой комнате, смежной с общей, а вскоре на ее двери какой-то шутник повесил табличку: «Большой Тюренн».

Как только кто-нибудь из инспекторов немного высвобождался или приходил с задания, коллеги тут же спрашивали его:

– Ты свободен?

– Да.

– Зайди-ка к Большому Тюренну! У него там работы через край.

Так оно и было. Люка постоянно не хватало людей для проверок, и не было, похоже, инспектора во всей службе, который хоть раз не побывал бы на улице Тюренн.

Все уже знали перекресток возле дома переплетчика и три кафе: кафе-ресторан на углу улицы Фран-Буржуа, потом «Большой Тюренн» в доме напротив и, наконец, «Табак Вогезов» на площади Вогезов – кафе, ставшее штаб-квартирой репортеров.

Они тоже внимательно следили за ходом дела. Ну а полицейские пропускали по рюмочке в «Большом Тюренне», оттуда из окна можно было наблюдать за мастерской фламандца. В кафе была их штаб-квартира, а кабинет Люка стал в некотором роде филиалом.

Самое удивительное, что сам Люка, заваленный работой, был, по всей вероятности, единственным, кто не наведился сюда ни разу со времени своего визита в первый день.

Тем не менее он представлял себе этот уголок лучше всех. Он знал, что за «Большим Тюренном» (за кафе, а не за кабинетом!) был роскошный винный магазин «Погреба Бургундии», он знал владельцев, и ему стоило взглянуть на одну из своих карточек, чтобы выяснить, что именно и кому они сказали.

Нет. Они ничего не видели. В субботу они уехали на уик-энд в Шеврез, где у них был домик.

За «Погребами Бургундии» разместилась лавчонка сапожника по фамилии Буске.

Этот говорил, напротив, очень много, но зато всем разное. Все зависело от того, когда с ним разговаривали – утром, днем или вечером, то есть от того, сколько аперитивов или чего-нибудь более крепкого он выпил в одном из трех, не важно каком, кафе.

Затем шел писчебумажный магазин Фрэр – мелкооптовая торговля, а во дворе, в глубине дома, была их картонажная фабрика.

Над мастерской Стёвельса, во втором этаже чьего-то бывшего особняка, выпускали серийную бижутерию. Это была фирма «Сасс и Лапинский», в которой работали по найму двадцать женщин и четверо или пятеро мужчин с совершенно непроизносимыми фамилиями.

Всех допрашивали, кого-то по четыре, а то и по пять раз разные инспекторы, не говоря уже о бесконечных расспросах журналистов. Два стола светлого дерева в кабинете у Люка были завалены бумагами, планами, справочниками, и во всем этом мог разобраться только он один.

Люка без устали добавлял все новые данные. После обеда, как всегда, Мегрэ безмолвно уселся у него за спиной, потягивая трубку.

На столе у Люка листок бумаги с надписью «Мотивы» сверху весь был испещрен заметками, вычеркнутыми одна за другой.

Пытались нащупать какой-нибудь политический мотив. Не в том смысле, в каком высказывался господин Лиотар, – его идея не выдерживала никакой критики. Но Стёвельс, живший очень замкнуто, мог быть членом какой-либо подрывной организации.

Эти поиски ни к чему не привели. Чем больше копались в его жизни, тем яснее было, что ничего подозрительного там не найти. Его книги представляли собой со вкусом подобранную библиотеку, точнее, коллекцию лучших произведений мировой классики и свидетельствовали о человеке умном, толковом и широко образованном. Читая и перечитывая книги, он делал пометки на полях.

Может быть, ревность? Но Фернанда никогда и никуда без него не ходила, только за покупками, и то в своем же квартале; он почти всегда мог видеть ее через стеклянные двери, даже когда она заходила в какую-нибудь лавочку.

Стали выяснять, нет ли связи между предполагаемым убийством и соседством переплетчика с фирмой «Сасс и Лапинский». Но у тех ничего не было украдено. Ни хозяйва фирмы, ни рабочие с переплетчиком даже не были знакомы, разве что видели его, проходя мимо мастерской.

«Бельгийские» проверки тоже ничего не дали. Стёвельс покинул Бельгию в восемнадцать лет и никогда больше там не бывал. Политикой не занимался и даже отдаленно не был связан с фламандским экстремистским движением.

Разбирались буквально со всем. Люка для очистки совести рассматривал самые безумные предположения, наугад звал кого-нибудь из инспекторов.

Всем было понятно, зачем он зовет их. Очередные выяснения, визит на улицу Тюренн или еще куда-нибудь.

– Я, кажется, кое за что зацепился, – сказал Люка, обращаясь на этот раз к Мегрэ и вытягивая один листок из множества разбросанных по столу. – Я разослал бумажку с обращением ко всем водителям такси, и вот только что ко мне приходил один шофер, натурализовавшийся русский. Буду выяснять.

Это было самое модное словечко – выяснять!

– Я хотел узнать, не доставляло ли какое-нибудь такси одного или нескольких человек к переплетчику семнадцатого февраля, когда стемнело. Этого шофера, Жоржа Пескина, семнадцатого вечером, в четверть девятого, остановили в районе вокзала Сен-Лазар три клиента; высадил он их на углу улиц Тюренн и Фран-Буржуа. Было не меньше половины девятого, когда он их привез, что вполне согласуется со свидетельством консьержки, слышавшей какой-то шум. Шофер этих клиентов не знает. Но утверждает, что один из них, говоривший с ним, – похоже, он у них за главного, – человек восточный.

– И на каком языке они говорили между собой?

– По-французски. Второй – довольно плотный блондин лет тридцати, говоривший с сильным венгерским акцентом, нервничал, ему было явно не по себе. Третий, француз средних лет, одет похуже, явно принадлежал к другому слою общества.

Выходя из машины, восточный человек расплатился, и все трое пошли по улице Тюренн в сторону мастерской переплетчика.

Если бы не этот эпизод с такси, Мегрэ, быть может, и не вспомнил бы о том, что произошло с его женой.

– Раз ты связался с таксистами, попробуй навести справки насчет случившегося с моей женой. Эта история к нашему делу никакого отношения не имеет, но мне она любопытна.

Люка вовсе не разделял этого убеждения Мегрэ, ибо был склонен связывать со своим делом даже самые далекие и самые случайные события. С раннего утра он просматривал все отчеты муниципальной полиции, чтобы удостовериться, что в них нет ничего, имеющего отношение к его поискам.

В своем кабинете он проворачивал огромную работу, о которой публика, следя за делом Стёвельса и с нетерпением ожидая продолжения этой истории в свежем номере газеты, и приблизительно не догадывалась.

Мегрэ в нескольких словах рассказал про даму в шляпке с малышом.

– Знаешь, позвони еще в полицию Девятого округа. Скорее всего, раз эта дама сидела каждое утро на той же самой скамейке в Антверпенском сквере, она где-то там поблизости и живет. Пусть они выяснят что-нибудь на месте, спрашивают в лавочках у продавцов, в гостиницах и меблированных комнатах.

Выяснения! Обычно по десять инспекторов одновременно сидели, курили, просматривали газеты, составляли отчеты, а порой даже играли в карты в соседнем кабинете. Теперь и двоих вместе было не застать. Стоило кому-то появиться на пороге, как Большой Тюренн выглядывал из своей берлоги:

– Ты, малыш, свободен? Зайди-ка на минутку.

Так еще один отправлялся по следу.

Исчезнувший чемодан искали повсюду: во всех вокзальных камерах хранения, у всех скупщиков старья.

Юный Лапуэнт, может, был и неопытен, но в высшей степени ответствен и ничего не придумывал.

Стало быть, в мастерской Стёвельса утром 21 февраля стоял чемодан, которого в пять часов, когда туда пришел Люка, уже не было.

С другой стороны, насколько могли вспомнить соседи, Стёвельс в этот день вообще не выходил, да и Фернанду ни с чемоданом, ни с каким другим большим тюком никто не видел.

Может, приехали за сделанной работой? Это тоже выяснили. Посольство Аргентины забирало документ, для которого Стёвельс изготовил роскошный переплет, но документ был небольшой и посыльный нес его под мышкой.

Мартен, самый образованный человек во всей сыскной полиции, больше недели работал у переплетчика в мастерской, придирчиво перебирал его книги, вникал в то, что делал Стёвельс в последние месяцы, разговаривал с его клиентами.

– Человек он поразительный, – заявил Мартен. – У него самая изысканная клиентура. Все ему полностью доверяют. Кстати, он выполняет работы для многих посольств.

Но и за этим ничего таинственного не скрывалось. Посольства обращались к Стёвельсу, потому что он был специалистом по геральдике, у него были прессы и штампы самых разных гербов, что позволяло ему делать на переплетах книг и на документах всевозможные тиснения.

– Вы недовольны, патрон? Вот увидите, все это нас непременно выведет на след.

И славный неунывающий Люка показал на сотни листков, живо приведя их в порядок.

– Зубы ведь в печке нашли? Они же туда не сами попали. И кто-то отправил телеграмму из Конкарно, чтобы завлечь туда Фернанду. На синем костюме, висевшем в шкафу, были пятна крови, которые тщетно пытались вывести. Господин Лиотар может делать и говорить все, что ему угодно, я исхожу из фактов.

Однако бумажный хлам, опьянявший бригадира, комиссара удручал, и он мрачно глядел на все это своими зеленоватыми глазами.

– О чем задумались, патрон?

– Ни о чем. Я в нерешительности.

– Думаете, его надо освободить?

– Нет, я не об этом. Это дело следователя.

– То есть вы бы его освободили?

– Не знаю. Я с самого начала в нерешительности, братья ли мне самому за это дело.

– Как хотите, – раздосадованно ответил Люка.

– Но это несколько не должно мешать тебе продолжать свою работу. Если мы сейчас упустим время, потом концов не соберем. Всегда одно и то же: как только вмешивается пресса, всем есть что сказать, а мы тонем.

– Но я все же нашел того шофера, и другого, о котором мадам Мегрэ рассказывала, тоже найду.

Комиссар снова набил трубку и открыл дверь. Рядом в комнате не было никого. Все разбежались, все занимались фламандцем.

– Ну что, решаетесь?

– Пожалуй, да.

Не заходя к себе в кабинет, Мегрэ вышел из полицейского управления и сразу остановил такси:

– Угол улиц Тюренн и Фран-Буржуа!

От этого словосочетания, с утра до вечера звучавшего в ушах, начинало просто тошнить.

Зато у жителей квартала был настоящий праздник. Все по очереди могли увидеть свои фамилии в газетах. Стоило какому-нибудь лавочнику или ремесленнику зайти в «Большой Тюренн», чтобы пропустить рюмочку, как он тут же встречался с полицейскими, а перейдя дорогу и оказавшись в «Табакерке Вогезов», где подавали прославленное белое вино, попадал в объятия репортеров.

Десятки раз их спрашивали, что они думают о Стёвельсе, о Фернанде, об их привычках и поступках.

Поскольку трупа не было, то есть не было наверняка известно, что он был, – налицо ведь было только два зуба, – все это скорее напоминало комедию, чем драму.

Мегрэ вышел из машины у «Большого Тюренна», заглянул в кафе, не увидел никого из своих и прошел несколько шагов до переплетной мастерской, где вот уже три недели, как были опущены ставни и закрыта дверь. Кнопки звонка не было, и Мегрэ постучал, зная, что Фернанда должна быть дома.

Выходила она только по утрам. Каждый день с тех пор, как арестовали Франса, она в десять часов утра уходила из дома с судками – тремя кастрюльками, входившими одна в другую и запиравшимися общей металлической ручкой с деревянной рукоятью.

Это была еда для мужа, каждый день она на метро ездила с судками в тюрьму Сантэ.

Мегрэ пришлось постучать еще раз, только тогда он увидел Фернанду, поднимающуюся по лестнице из полуподвала в мастерскую. Она узнала его, обернулась, что-то сказала кому-то невидимому и наконец открыла дверь.

Она была в домашних тапочках и клетчатом переднике. В этой располневшей ненакрашенной женщине никто и никогда не узнал бы ту, которая некогда подлавливала клиентов на узких улочках, прилегающих к Севастопольскому бульвару. Фернанда, похоже, была домоседкой, аккуратной хозяйкой, весь ее облик говорил именно об этом; к тому же она, видимо, до недавних событий и нрава была веселого.

– Вы хотели меня видеть? – спросила она с некоторой усталостью в голосе.

– У вас кто-то есть?

Она не ответила, и Мегрэ пошел к лестнице, спустился на несколько ступенек, глянул вниз и нахмурился.

Ему уже докладывали, что поблизости все время вертится Альфонси, охотно потягивающий аперитивы с журналистами в «Табак Вогезов», но не рискующий и носа сунуть в «Большой Тюренн».

С видом своего человека в доме Альфонси стоял посреди кухни, где на плите что-то варилось; он слегка смутился, но тем не менее поглядывал на комиссара с усмешкой.

– Ты-то что здесь делаешь?

– Как видите, пришел в гости, как и вы. Это ведь мое право, не так ли?

Когда-то Альфонси служил в сыскной полиции, правда, не в бригаде Мегрэ. Несколько лет он был сотрудником полиции нравов, но в конце концов ему дали понять, что, несмотря на высоких покровителей, больше его терпеть не желают.

Альфонси был маленького роста и всегда носил туфли на очень высоких каблуках. Мало того, ребята подозревали, что он еще и подкладывал под пятки колоду карт. Одевался он всегда вызывающе изысканно, на пальце носил кольцо с бриллиантом, бог его знает, настоящим или фальшивым.

На улице Нотр-Дам-де-Лоретт он открыл частное сыскное бюро, в котором был и хозяином, и единственным служащим; в подчинении у него была только странноватая секретарша, в основном исполнявшая обязанности его любовницы, по ночам их вместе видели в кабаре.

Когда Мегрэ сообщили, что Альфонси трется на улице Тюренн, комиссар прежде всего подумал, что он ловит рыбку в мутной воде, то есть надеется чем-нибудь поживиться, раздобыть сведения, которые можно дорого продать журналистам.

Потом выяснилось, что его нанял Филипп Лиотар.

В тот день Альфонси впервые в буквальном смысле встал на пути комиссара, и Мегрэ буркнул:

– Так я жду.

– Чего вы ждете?

– Пока ты уйдешь.

– Очень жаль, но я еще не кончил своих дел.

– Ну, как тебе будет угодно.

Мегрэ сделал вид, что идет к двери.

– Что вы собираетесь делать?

– Позвать одного из своих людей и посадить его тебе на хвост, за тобой будут следить денно и нощно. Это ведь мое право тоже.

– Хорошо-хорошо! Идет! Не надо злиться, господин Мегрэ!

И он пошел вверх по лестнице, но, уходя, с видом заправского сутенера поглядел на Фернанду.

– Как часто он приходит? – спросил Мегрэ.

– Второй раз.

– Советую вам быть с ним осторожной.

– Я знаю. Мне такие люди знакомы.

Быть может, это был тонкий намек на годы, когда она зависела от людей из полиции нравов?

– Как Стёвельс?

– Хорошо. Целыми днями читает. Он верит, что все будет в порядке.

– А вы?

Засомневалась ли она, прежде чем ответить?

– Я тоже.

И все-таки в Фернанде чувствовалась некая усталость.

– Какие книги вы носите ему?

– Сейчас он перечитывает от корки до корки Марселя Пруста.

– А вы тоже читали Пруста?

Стёвельс, значит, занимался образованием своей жены, когда-то подобранной на панели.

– Вы будете не правы, если решите, что я пришел как враг. Ситуацию вы знаете не хуже меня. Я хочу понять. Пока что я не понимаю ничего. А вы?

– Я уверена, что Франс не совершал преступления.

– Вы любите его?

– Это слово ничего не значит. Здесь нужно бы другое, особое, которого просто не существует.

Мегрэ поднялся в мастерскую, где на длинном столе перед окном были аккуратно разложены инструменты переплетчика. Прессы стояли сзади, в полутьме, а на полках одни книги ждали своей очереди, другие уже были в работе.

– Он всегда постоянен в привычках, так ведь? Расскажите мне, как у него проходит день, и поточнее.

– Меня уже об этом спрашивали.

– Кто?

– Господин Лиотар.

– Вам не приходило в голову, что интересы Лиотара могут не совпадать с вашими? Еще три недели назад он был совершенно безвестен, ему надо лишь поднять как можно больше шума вокруг своего имени. Для него не так уж и важно, окажется ваш муж виновен или нет.

– Простите. Но ведь если он докажет невиновность Франса, это сделает ему колоссальную рекламу.

– А если он добьется освобождения Франса, не доказав его невиновности самым неопровержимым образом? Он приобретет репутацию ловкача. Все будут обращаться только к нему. А о вашем муже будут говорить: «Повезло ему, Лиотар вытащил». Иными словами, чем больше Стёвельс будет казаться виновным, тем больше заслуг у адвоката. Вы это понимаете?

– Главное, что Франс это понимает.

– Он вам сказал это?

– Да.

– Он не симпатизирует Лиотару? Почему же он его тогда выбрал?

– Он его не выбирал. Тот сам...

– Минутку. Вы только что сказали очень важную вещь.

– Я знаю.

– Вы сделали это нарочно?

– Может быть. Я устала от шума вокруг нас и понимаю, откуда он идет. Мне кажется, что я не могу навредить Франсу, говоря вам то, что я говорю.

– Когда бригадир Люка пришел с обыском около пяти часов двадцать первого февраля, ушел он не один, а увел с собой вашего мужа.

– И вы всю ночь допрашивали его, – с упреком сказала Фернанда.

– Такая у меня работа. В тот день у Стёвельса не было адвоката, он ведь не знал, что против него будет возбуждено уголовное дело. С тех пор его не выпускали. Сюда он возвращался только вместе с инспекторами и очень ненадолго. Но когда я предложил ему выбрать адвоката, он не колеблясь назвал Лиотара.

– Я понимаю, что вы хотите сказать.

– Адвокат, значит, побывал у Стёвельса до бригадира Люка?

– Да.

– Стало быть, двадцать первого после полудня, между визитами Лапуэнта и бригадира.

- Да.
- Вы присутствовали при разговоре?
- Нет, я внизу делала генеральную уборку, меня ведь три дня не было.
- Вы не знаете, о чем они говорили? Они не были раньше знакомы?
- Нет.
- Это ваш муж позвонил ему, чтобы он пришел?
- Наверно, да.

Соседские мальчишки подошли к витрине мастерской и приклеились к ней носами; Мегрэ предложил:

- Может, нам лучше уйти вниз?

Она провела его сквозь кухню, и они вошли в маленькую комнатку без окна, кокетливо обставленную и очень уютную, с книжными полками на стенах. В середине стоял стол, за которым супруги обедали, а в углу был другой, письменный.

– Вы спрашивали, как проходил день у моего мужа. Каждое утро он вставал в шесть часов, и летом и зимой, и первым делом затапливал печь.

- Почему же он не затопил ее двадцать первого?

– Было не очень холодно. После нескольких морозных дней погода стала налаживаться, да мы оба не из тех, кто мерзнет. В кухне у меня газовая плита, тепла от нее там хватает, а в мастерской есть еще плитка, Франс пользуется ею, когда варит свой клей или подготавливает инструменты к работе. Еще не умывшись, он шел за рогаликами в булочную, я готовила кофе, а потом мы вместе завтракали. Потом он умывался и шел переплетать. Я, прибравшись, в девять часов уходила за покупками.

- А за работой он не ходил?

– Очень редко. Ему обычно приносили ее домой, а потом забирали. Когда ему нужно было самому идти куда-либо, я составляла ему компанию, мы ведь, собственно, никуда не ходим. Обедали мы в половине первого.

- И он тут же снова брался за работу?

– Почти всегда, только покурит сначала на пороге, за работой-то он не имеет привычки курить. Так он и работал до семи, а то и до половины восьмого. Я никогда не знала, во сколько мы сядем есть, потому что ему всегда важно было закончить то, что он наметил. Потом он закрывал ставни, мыл руки, а после ужина мы в этой самой комнате читали до десяти, до одиннадцати часов. Кроме пятницы, по пятницам мы ходили в кино «Сен-Поль».

- Он не выпивал?

– Рюмочку, каждый вечер после ужина. Маленькую рюмочку, и мог тянуть ее целый час, только слегка пригубивая.

- А по воскресеньям? Вы ездили за город, на природу?

– Нет, никогда. Он ненавидит природу. В воскресенье мы все утро проводим дома, не одеваясь. Он любит мастерить. Это он сделал полки, да и почти все, что у нас тут стоит. После обеда мы всегда шли гулять по улице Фран-Буржуа, на остров Сен-Луи и часто ужинали в ресторанчике возле Нового Моста.

- Он скуп?

Она покраснела и ответила вопросом, как все женщины, когда они обескуражены:

- Почему вы спрашиваете об этом?

- Он ведь уже двадцать лет так работает?

– Всю жизнь он так работал. Его мать была страшно бедна. У него было очень несчастливое детство.

– Однако он слывет самым дорогим переплетчиком в Париже и скорее отказывается от работы, чем в ней заинтересован.

- Это правда.

– Он зарабатывает столько, что вы могли бы прилично жить, иметь современную квартиру и даже машину.

– А зачем?

– Он говорит, что у него всегда только один костюм, да и ваш гардероб, похоже, не богаче.

– Мне ничего не нужно. А едим мы хорошо.

– Вы, должно быть, проживаете не больше трети того, что он зарабатывает?

– Меня денежные вопросы не касаются.

– Большинство людей работает во имя какой-нибудь цели. Одни хотят иметь домик в деревне, другие мечтают хорошо жить на пенсии, третьи посвящают себя детям. У него детей не было?

– К сожалению, я не могу иметь детей.

– А до вас?

– Нет. У него, собственно, не было знакомых женщин. Он довольствовался тем, о чем вы уже знаете, и именно благодаря этому я его и встретила.

– Что он делает со своими деньгами?

– Не знаю, наверно, откладывает.

У Стёвельса действительно был счет в банке на улице Сент-Антуан. Почти каждую неделю переплетчик вносил незначительные суммы, совпадавшие с полученными от клиентов.

– Он работал в свое удовольствие. Это настоящий фламандец. Я начинаю понимать, что это значит. Он мог часами делать один переплет и радовался, когда удавалось сделать красивую вещь.

Любопытно: иногда она говорила о нем в прошедшем времени, словно стены Сантэ уже отгородили его от мира, а иногда в настоящем, будто он вот-вот войдет в комнату.

– Он поддерживал отношения со своей семьей?

– Отца своего он не знал. Воспитал Франса дядя, но отдал его в очень юном возрасте в приют, где, к счастью, ему дали ремесло. С воспитанниками там обращались очень сурово, и он не любит вспоминать о тех временах.

Вход и выход в их жилище был один – через мастерскую. Чтобы попасть во двор, надо было выйти на улицу и пройти под арку, мимо консьержки.

Поразительно, как Люка там у себя, на набережной Орфевр, жонглировал именами, в которых Мегрэ едва ориентировался: консьержка мадам Салазар, мадемуазель Беген, жиличка с пятого этажа, сапожник, торговка зонтиками, хозяйка молочной и ее горничная – словом, обо всех он говорил так, будто знал их всегда со всеми их причудами.

– А что вы собираетесь приготовить ему на завтра?

– Жаркое из барашка. Он любит вкусно поесть. Вы вроде хотели спросить, есть ли у него какая-нибудь страсть помимо работы. Наверно, это еда. Хотя он целыми днями сидит, не дышит воздухом и не занимается гимнастикой, я никогда не видела человека с таким прекрасным аппетитом.

– До того, как вы познакомились, у него были друзья?

– Не думаю. Во всяком случае, он мне об этом не говорил.

– Он тогда уже жил здесь?

– Да. И сам вел свое хозяйство. Только раз в неделю к нему приходила мадам Салазар и основательно убиралась. Видимо, она меня сразу невзлюбила, поскольку отпала нужда ее приглашать.

– Соседи знают?

– Чем я занималась раньше? Нет, то есть не знали до ареста Франса. А теперь журналисты разстрезвонили.

– И они к вам плохо отнеслись?

– Некоторые. Но Франса так любили, что нас скорее жалеют.

В общем, так оно и было. Если бы в квартирах провели опрос, кто «за», а кто «против», – «за», конечно, перевесило бы.

Но жители квартала так же, как и читатели газет, вовсе не хотели, чтобы все кончилось слишком быстро. Чем больше сгущалась тайна, тем отчаяннее становилась борьба между полицией и Филиппом Лиотаром, тем больше была довольна публика.

– Чего от вас хотел Альфонси?

– Он не успел сказать. Он только появился, когда вы вошли. Мне очень не нравится, как он заявляется сюда, будто в пивнушку, не снимает шляпы, говорит мне «ты». Будь Франс здесь, он бы давно его выставил за дверь.

– Он ревнив?

– Он не выносит фамильярности.

– Он любит вас?

– Думаю, что да.

– А почему?

– Не знаю. Может быть, потому, что я его люблю.

Мегрэ не улыбнулся. Шляпу он, разумеется, снял, не то что Альфонси. Он был вежлив и не лукавил.

И действительно, этот человек, казавшийся здесь большим и грузным, искренне пытался во всем разобраться.

– Вы, конечно, не скажете ничего, что могло бы обернуться против него?

– Разумеется, нет. Впрочем, ничего такого я и не знаю.

– Тем не менее очевидно, что в этом полуподвале был убит человек.

– Ваши специалисты утверждают, что это так, а я не настолько образованна, чтобы им противоречить. В любом случае Франс не убивал.

– Кажется невозможным, чтобы это произошло без его ведома.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, но он, повторяю, невиновен.

Мегрэ, вздохнув, встал. Он был доволен, что она ничем не угощала его, хотя многие люди в подобных обстоятельствах полагают это своим долгом.

– Я пытаюсь все начать с нуля, – сказал он. – Когда я шел сюда, то собирался снова изучить здесь сантиметр за сантиметром.

– И вы этого не сделаете? Уж сколько раз тут все вверх дном переворачивали!

– Вот я и не решаюсь. Может быть, приду еще. У меня, скорей всего, будут к вам вопросы.

– Вы знаете, что во время свиданий я все-все рассказываю Франсу?

– Да, я понимаю вас.

Он двинулся по узкой лестнице, она пошла за ним в мастерскую, где стало почти темно, и открыла дверь на улицу. Она увидела Альфонси, в ожидании стоявшего на углу.

– Выпустите его?

– Прямо не знаю. Я устала.

– Хотите, я велю ему оставить вас в покое?

– Сегодня вечером по крайней мере.

– Всего доброго.

Она попрощалась с Мегрэ, и он, тяжело ступая, пошел к бывшему инспектору нравов. Когда на углу комиссар поравнялся с Альфонси, на них смотрели сквозь окна кафе «Табак Вогезов» два молодых репортера.

– Вали отсюда!

– Почему?

– Потому что. Она не хочет, чтобы ты ее беспокоил сегодня. Понял?

– Почему вы так плохо со мной обходитесь?

– Лицо мне твое не нравится.

И, повернувшись к нему спиной, Мегрэ, не нарушая традиций, пошел выпить кружку пива в «Большой Тюренн».

Глава 3

Маленькая гостиница на улице Лепик

Было солнечно и морозно, изо рта шел пар, а кончики пальцев мерзли. Но Мегрэ все равно не ушел с открытой площадки автобуса, где он стоял, читая только что вышедшую газету, и то ворчал, то не мог сдержать улыбки.

Ехал он на работу слишком рано. Часы показывали всего половину девятого, когда он вошел в комнату инспекторов и увидел, как Жанвье соскакивает со стола, на котором только что сидел, и пытается спрятать газету, которую только что громко читал вслух.

Их было там пятеро или шестеро, в основном молодежь; они ждали от Люка задания на день. Все они старались не смотреть на комиссара, но некоторые, украдкой все же поглядывая на него, с трудом сдерживались, чтобы не рассмеяться.

Им было невдомек, что статейка позабавила его самого не меньше их и он валяет дурака, чтобы доставить им удовольствие, напускает на себя мрачный вид, раз уж они ждут от него именно такой реакции.

На первой странице газеты на три колонки растянулся заголовок:

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ МАДАМ МЕГРЭ

История, приключившаяся накануне с женой комиссара на Антверпенской площади, рассказывалась живо и в мельчайших подробностях; не хватало только фотографии самой мадам Мегрэ с мальчуганом, которого ей так бесцеремонно препоручили.

Мегрэ вошел в кабинет Люка; тот тоже прочитал заметку, но у него были свои причины отнестись к ней куда более серьезно.

– Надеюсь, вы не подумали, что это идет от меня? Я был потрясен, когда утром открыл газету. Ведь я ни одному журналисту ничего не рассказывал. Вчера, вскоре после нашего с вами разговора, я позвонил Ламбалу в Девятый округ – ему я не мог не рассказать эту историю, – правда, не называя имени вашей супруги, поскольку именно он должен был заняться поисками такси. Кстати, он только что позвонил, что уже нашел, чисто случайно, этого водителя, и отправил его к нам. Через несколько минут тот будет здесь.

– А в кабинете у тебя никого не было, когда ты звонил Ламбалу?

– У меня всегда кто-то сидит. И дверь в комнату инспекторов наверняка была открыта. Но кто мог?.. Ужас берет, что это кто-то из наших, у нас – и утечка информации.

– Я еще вчера об этом подумал. Утечка произошла уже двадцать первого февраля, ведь когда ты пришел на улицу Тюренн с обыском, Филипп Лиотар уже был предупрежден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.